

Научная статья
УДК 397;398
doi: 10.17223/15617793/511/16

Конь и образ коня в культуре алтайцев

Мария Юрьевна Чарышова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, charyshovamaria@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен культ коня в этнической культуре алтайцев. Проанализированы тексты самых крупных сказаний алтайского героического эпоса – «Мадай-Кара» и «Очы-бала» и показана многозначность образа коня. Раскрыт образ коня в малых фольклорных жанрах и прослежена его динамика по сравнению с героическим эпосом. Проанализированы современные формы обрядовых функций коня. Рассмотрено современное коневодство алтайцев и охарактеризованы конноспортивные состязания с точки зрения бытования культа коня.

Ключевые слова: алтайцы, мировоззрение, конь, героический эпос, малые фольклорные жанры, обряды, коневодство

Для цитирования: Чарышова М.Ю. Конь и образ коня в культуре алтайцев // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 159–166. doi: 10.17223/15617793/511/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/16

The horse and the image of the horse in the culture of the Altaians

Maria Yu. Charyshova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, charyshovamaria@mail.ru

Abstract. In this article, the author considers the dynamics of the cult of the horse in the traditional culture of the Altai ethnic group in the relationship of the ritual sphere and the production system. The works of V. V. Radlov and A. V. Anokhin, scientific travelers of the 19th and 20th centuries, were used, in particular, ethnographic subjects related to the description of the Altai horse and its role in the ritual sphere, including the rite of sacrifice. The texts of the largest tales of the Altai heroic epic – "Madai-Kara" and "Ochy-bala", recorded in 1963 by S. S. Surazakov from the famous storyteller A. G. Kalkin, are analyzed, as well as small folklore genres: riddles, proverbs, and good wishes. In the course of the analysis, the author relied on the conclusions of her predecessors. The cult of the horse among the Altaians is considered in articles by L. P. Potapov, V. M. Mendeshcheva, and L. V. Chanchibaeva; the topic of the development of Altai horse breeding is presented in articles by L. N. Muzikova, T. V. Lobanova, V. A. Trushnikov, A. A. Tishkin, and others. During the study, the author analyzed field materials collected in the Ust-Kan and Ongudai Districts of the Altai Republic in 2022–2023. The data of regional periodicals are involved: newspapers *Zvezda Altaya* [Star of Altai] and *Kan-Charas*. A systematic method was used, which helped show the role of the horse in all aspects of the functioning of traditional culture – the worldview, the ceremonial sphere, and the subsystem of production. The synchronic method was used to study the cult of the horse in various regions of the Altai Republic in order to identify common trends. From the standpoint of the historical approach, the dynamics in the existence of the cult of the horse and the development of horse breeding among the Altaians are traced. In the course of the study, the high semiotic status of the horse was determined, through which the sacred symbols of traditional culture are reflected. The plots related to the horse are highlighted and the ambiguity of its image is shown. It was established that the heroic horse is connected with two spheres of existence – natural and human; it combines both, and in both it occupies a dominant position, correcting natural phenomena, the mind, and human actions. It is shown that through the image of a horse, the mytho-poetic consciousness of the Altaians expresses the nature and the person themselves. The image of a horse in small folklore genres is analyzed and the dynamics of the image compared to the heroic epic is traced. The modern forms of the ceremonial functions of the horse, actualizing protective and producing magic, are revealed. The modern horse breeding of the Altai people is considered as a basis for preserving the cult of the horse: the improvement of the Altai horse breed and the history of breeding the New Altai breed, the process of branding horses, developed terminology in relation to horses. The role of the horse as a factor of social prestige is revealed. Equestrian competitions are characterized from the point of view of modern forms of existence of the cult of the horse.

Keywords: Altaians, worldview, horse, heroic epic, small folklore genres, rituals, horse breeding

For citation: Charyshova, M. Yu. (2025) The horse and the image of the horse in the culture of the Altaians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 159–166. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/16

Издревле конь играл важную роль в культуре кочевников, поэтому в тюркско-монгольском мире широко распространен культ лошади [1. С. 164]. Учитывая доминирующую роль кочевого скотоводства в традиционном хозяйстве алтай-кижи, существование культа коня вполне объяснимо и ярко выражено в этнической картине мира. Согласно мифам о сотворении мира, конь является созданием верховного божества *Ульгена*, это – животное с теплым дыханием, поэтому алтайцы считают конину «чистым» мясом [2. С. 12]. Небесное происхождение коня находит подтверждение в героическом эпосе «*Очы бала*»: богатырский конь спускается на землю к девушке-богатырше с небес:

Алтая радостная дочь
На новолунье, в третью ночь,
Напившись молодого сна,
Решила встать на стремяна.
Уздечкой звонкой золотой
Встряхнула девушка, и вмиг
С небес спустившись, конь гнедой,
Как пламя чистое – возник [3. С. 202].

Как следствие небесного статуса коня, в героическом эпосе подчеркиваются его сверхъестественные способности. Так, богатырский конь преодолевает огромные расстояния за короткий миг:

Встал богатырь на стремяна
Из кованого чугуна,
От стойбища к закату дня
Направил верного коня,
И аргамак темно-гнедой
Помчался красною стрелой
Над черной горною грядой,
Под белой облачной горой,
Перемахнул во весь опор
Подмышки высоченных гор,
Лопатки поднебесных гор,
Макушки невысоких гор,
И девяносто бурных рек
В единый мах перескочил,
Вдали оставив бай терек
И каменный дворец-айл [3. С. 20].

В трехчастной структуре мира алтайцев конь является главным жертвенным животным, поэтому для воссоздания сакральных функций коня обратимся к обрядовой сфере.

Чаще всего коня как жертвенное животное приносили божеству Нижнего мира Эрлику, чтобы задобрить его в случае тяжелой болезни либо несчастного случая. Для проведения обряда специально приглашали шамана – *кама*, который сам выбирал жертву, обычно лошадей темных мастей. Жертву выбирали тощую либо с какими-либо физическими недостатками, в чем, по дискуссионному мнению А.В. Анохина, выражалось некоторое пренебрежение к божеству [4. С. 2]. Жертвенник – *тайылга* сооружали возле кустов облепихи, боярышника либо шиповника: алтайцы верили, что *Эрлик* боится данных кустарников [4. С. 3]. Если жертва предназначена духам природы либо верховному божеству *Ульгеню*, конь должен быть без физического изъяна, потому что его качества проецируются на будущий скот [5. С. 229]. Стоит отметить, что выбор коня для жертвоприношения осуществлялся с учетом масти животного [6. С. 673]. Так, для божества

Верхнего мира приносят в жертву лошадей светлых мастей – светло-серую, светло-соловую, чалую, для духов Среднего мира – обычно рыжей или красной масти [1. С. 169], для божества Нижнего мира – темных мастей.

Конь также сопровождал своего хозяина в иной мир, его специально убивали для погребального обряда, когда хоронили зажиточных мужчин [7. С. 181]. Данный обычай существовал у южных алтайцев, проживающих на территории Улаганского р-на ещё в начале XX в. [8. С. 35].

В качестве жертвенного животного конь фигурирует и относительно Среднего мира, в частности, его приносили в жертву для божества *Јер-суу*, т.е. духа земли и воды [9. С. 278]. Конь, а точнее его часть – волосы из гривы, служат подношением духам местности – *эзи* при переезде через горные перевалы либо при посещении целебных источников – *аржан-суу*, как выражение уважения. Спутник спешил с коня, вырывал из гривы лошади несколько волос и подвешивал их к дереву, обычно березе. Очевидно, заменителем волос из конской гривы стали выступать ритуальные ленты – *жалама, кыйра* [10. С. 93].

Выражением культа коня стало и включение его в охранительную магию. Так, беременной женщине разрешалось заходить в дом, где находился уснувший человек, только при наличии у нее конской подпруги, которой она должна была подпоясаться [11. С. 257]. Магической силой обладают и элементы конского снаряжения. Например, после завершения летней переколки, сопровождающейся угоном скота на высокогорное пастбище, мужчина, убедившись, что все поголовье прибыло на место летней стоянки и расседлав коня, закалывает овцу на кожаном черпаке – *кејиме*. Тем самым он совершает обряд жертвоприношения духам местности, которые, по воззрениям алтайцев, защищают скот и лошадей от нападения диких хищников [12]. Продуцирующая магия проявляет себя при продаже коня: хозяин проданного животного срезает прядь из гривы и хвоста, чтобы поголовье его скота сохранилось и приумножалось [13].

Неудивительно, что образ богатырского коня стал центральным и в устном народном творчестве, в частности в героическом эпосе *кай чорчок*, где неразрывным спутником любого богатыря является его конь.

Образ богатырского коня слитен с природой: его красота воспевается посредством множества эпитетов, гипербола, метафор, связанных с природными объектами и явлениями:

Прекрасный белогривый конь,
Чьи уши небо бороздят,
Чьи очи звездами горят,
Светлы, как месяц золотой,
Из-под ступающих копыт
Земля до облака летит.
Пушистой гривой густой
Укрыты валуны колен,
Хвост – ниже щеток, золотой,
А грудь – мощнее горных стен [3. С. 66].

При описании процесса оседлания коня детали упряжи сравниваются с астральными объектами (рис. 1):

Огладив голову коня,
Взнуздала девушка коня,
И спину, гладкую как сталь,
Закрыла белым потником,
И крепко сложенный хребет
Укрыла лунным чепраком
Все в бронзе солнечной седло
Легко подняв, она берет,
Все в темном золоте седло
На скакуна она кладет.
И, обойдя коня вокруг,
Затягивает сто подпруг.
В глухой ночи, средь бела дня
Подпруги сильного коня
На ледяных вершинах гор
Горят, как солнечный костер,
В долинах сумрачных они
Блещат, как лунные огни [3. С. 202].

Рис. 1. Ортогулов И.И. Полет. Источник: Маадай-Кара. Горно-Алтайск, 1979. Контртитул

Следует отметить, что по окончании земного пути и преодоления всех испытаний богатырь и его конь становятся небесными светилами:

На новолунье, в третий день
Небесная Очы-Бала
От белых вод, от горных стен
Как птица в небо уплыла,
И стала молодой луной
На новолунье, в день восьмой...
И вмиг Очы-Дьерен исчез,
В тяжелой сбруе золотой
Поднялся в глубину небес
И стал вечернею звездой [3. С. 282].

Вместе с тем при слитности с природой богатырский конь обладает способностью преодолевать природную стихию благодаря сверхъестественной силе. Так, в героическом эпосе «Очы бала» героиня решает испытать своего богатырского коня и обогнать ветер:

Коня решила испытать
Красавица Очы-Бала –
Решила ветер обогнать,
Догнать и обогнать смогла [3. С. 286].

Обладает богатырский конь и способностью уничтожать природные объекты, например скалу:

Ударит по скале скакун –
Скала раскрошится в песок [3. С. 237].

Благодаря сверхъестественным способностям богатырский конь способен превращаться в другое существо. Так, конь девушки-богатыря в героическом эпосе «Очы-бала» обращается в духа-быка:

Скакун крылатою спиной
Припал к земле, и вмиг возник
Хозяин – дух земли родной –
Бык семилетний, красный бык [3. С. 233].

Подчеркну одно важное обстоятельство: для мифопоэтического мышления, составляющего фундамент фольклора, сверхъестественное в рациональном мышлении превращается в естественное качество и свойство персонажей.

Слитность коня с природой в героическом эпосе сочетается с его антропоморфизацией: жизни коня и главных героев, причем как с положительной, так и с отрицательной коннотаций, тоже неразрывны. В героическом эпосе «Очы бала» главная героиня подчеркивает, что не смогут поработить не только ее, но и её коня:

Меня – хоть станут убивать –
Рабой не сделать никому,
И жеребенком не бывать
Очы-Дьерену моему [3. С. 220]!

Та же мысль звучит и в обращении главной героини к своему богатырскому коню:

Сказала: «Конь – мое крыло,
Нам жить единою судьбой,
Нам вместе умирать с тобой» [3. С. 228].

В героическом эпосе «Маадай Кара» жизнь главного антагониста Кара-Кула тоже неразрывно связана с его конем:

Четвертый лама перебил
Всевидающего мудреца:
«А в ящике – ты не забыл? –
Перепелиных два птенца.
В одном душа коня его,
В другом – каана самого.
И если тех птенцов поймать,
Посередине разорвать,
Каана жизнь и жизнь коня [3. С. 110].

Конь не только неразлучен с героем, но нередко и превосходит его по разуму, выступая советчиком при преодолении серьезных испытаний. Например, за советом к коню обращается дева-богатырша:

Скажи, что делать нам теперь?
Спросила девушка коня.
Скакун проговорил в ответ,
Сестрице младшей дал совет [3. С. 232].

Стоит отметить, что не только богатырский конь, но и обыкновенная кобылица обладает разумом и человеческой речью, в чем проявляется превосходство над человеком не только богатырского коня, но и коня вообще:

А кобылица вслед ему
Сказала, плюнувши во тьму:
«Уйти я от тебя смогла,
Позор тебе Кара-Кула!
Увел народ, но погоди –
Увидишь горе впереди!
Из шкур семи твоих волков
Тут шубу теплую сошьют [3. С. 47],
Из перьев воронов твоих
Подушку толстую набьют!»
Кобылка после слов таких
Исчезла в зарослях густых [3. С. 48].

Конь выступает преданным другом, полноправным партнером в путешествии по мирам и даже спасителем главного героя:

Конь белогривый, это он
 Был в беркута преобразен,
 Из-под земли *алыпа* спас
 И излечил его сейчас [3. С. 226].

Богатырский конь ведет бой вместе со своей хозяйкой:

Очы-Бала мечом взмахнет –
 Враз сорок тысяч полегло,
Очы-Дьерен с горы шагнет –
 Вмиг двадцать тысяч полегло [3. С. 219].

Как видим, образ коня в героическом эпосе сакрализован, он связывает человека и природу. Конь предстает в виде боевого товарища и спутника главного героя, а также его советчика и даже спасителя. Конь выступает практически на равноправных правах с богатырем: сражаясь, принимая различные облики, обладая сверхъестественными свойствами, а по окончании земного пути, они совместно становятся звездами. Вместе с тем образ коня, его свойства выражаются через сопоставления с природными объектами и преодоления им природных стихий. Ипостаси коня в алтайском героическом эпосе хорошо согласуются с выводами В.Я. Проппа относительно русского фольклора. В «Морфологии сказки» он рассматривает коня в качестве универсального волшебного помощника [14. С. 135], способного выполнять даже функции героя [14. С. 136]. При этом подчеркивается, что действия помощника охватывают пространственное перемещение героя, ликвидацию беды или недостачи, спасения от преследования, разрешения трудных задач, трансфигурацию героя [14. С. 131].

Образ коня широко распространен и в малых фольклорных жанрах – загадках, пословицах, благопожеланиях и даже народной лирике. В них подтверждается его небесное происхождение:

<i>Тенерининг</i> уулы	Сын неба
<i>Темир сангыс чайнайт</i>	Жует железную серу (Конь грызет удила)

[15. С. 60]

и, как следствие, особое отношение, раскрывающееся через сравнение со священными дарами:

<i>Алтын кайырчак ачылды,</i>	Раскрылся золотой сундук
<i>Ак торко жайылды</i>	Раскинулся белый шелк (Кобылица ожеребилась)

[15. С. 61].

В народной лирике, которую зафиксировал знаменитый художник Г.И. Чорос-Гуркин, встречается мотив сравнения природных явлений с образом коня. Это сравнение подчеркивает величие и красоту природы, а также её динамичность и живость, которые нашли отражение в мощи и благородстве коня:

<i>Айгыр жалду чөлбөд</i>	Вокруг тебя тайга косматым
<i>Ам жарыжы Кара-Көл</i>	лесом обросла, как конской гривой и раскинулось ты, озеро Кара-Кол шириной на лошадиный бег

[16. С. 32].

Линия на сравнение коня с природой отчетливо проступает и в благопожелании, которое выражают родственники при одаривании ребенка конем:

<i>Ай канатту ат болзын,</i>	С лунно-крылым конём
<i>Ак-Бурканнан</i>	пусть будет от белого Бурхана

[5. С. 434].

и в загадке о коне:

<i>Учып чыккан кучыйак,</i>	Две птицы, словно два бурхана,
<i>Удур кӧргӧн быркана</i>	Готовы вылететь из гнезда (Глаза коня)

[15. С. 59].

Соотносится образ коня и с огнем:

<i>Кызыл адым тилтеек</i>	Рыжий конь мой кусается,
<i>Кара адым тебиен</i>	Черный конь мой лягается. (Огонь)

[15. С. 34]

В алтайских пословицах заметное место занимает сюжет сравнения человека с конем. Более того, через них заданы практически все нормы ситуативного поведения человека, при этом приоритет отдается коню:

Чем хвалить себя, похвали коня [17. С. 34].

Конь умрет, коновязь останется,
 Отец умрет, сын останется;

Благодаря коню дорогу нашел,
 Благодаря отцу народ свой узнал [17. С. 7];

На коня своего, погладив, садись,
 К жене своей с нежностью относись [17. С. 146].

Вследствие большей мобильности малых жанров фольклора они добавили динамику в образ коня, подключив к нему и техногенную сферу:

<i>Болот туйгакту болор</i>	Со стальным копытом
<i>Кулжа тумчукту болор</i>	С носом, похожих на <i>кульды</i> ,
<i>Кайчы кулакту болор</i>	С ушами наподобие ножиц
<i>Канат жүректү болор</i>	Сердцем, как крылья, Кто он?

[15. С. 41]

<i>Кара айгыр шоокырат,</i>	Вороной жеребец фыркает и
<i>кара жерди антарат</i>	черную землю ворочает. (Богатырский конь);

(Трактор)

[15. С. 48].

<i>Лакшы улда калта жок</i>	У хорошего парня нет кисета (Конь)
-----------------------------	---------------------------------------

[15. С. 19].

Как видим, образ коня в малых фольклорных жанрах включает в себя те же смыслы, что и в героическом эпосе – идею небесного происхождения, связи с природой и одновременно с человеком, но добавляет к ним и новый, заданный активно развивающейся техногенной сферой. При этом сюжеты имеют утилитарный характер и обладают назидательным эффектом.

Перейдем к характеристике подсистемы производства алтайцев, породившей культ коня. Безусловно, коневодство в кочевых культурах всегда являлось приоритетным традиционным занятием: именно конь, являясь основным транспортным средством, предоставил кочевникам возможность покорять новые территории и мобильно менять места перекочевков, от него получали мясо, кожу, волос, которые использовали в быту и хозяйстве. Основным центром коневодства в Горном Алтае исторически являлись территории Усть-Канского, Онгудайского, Шебалинского, Улаганского и Кош-Агачского районов [11. С. 251], практиковали и до сих пор практикуют свободный выпас. Однако при этом хозяева всегда имеют представление, где находится табун, и не только издали приглядывают за ним, но и подгоняют его ближе к фермам, а также ведут под-

кормку животных в виде соли и овса, особенно в зимний период. Для обозначения собственности, во избежание конфликтов при смешивании табунов либо утере поголовья, алтайцы таврят лошадей. Обычно этот процесс происходит поздней весной и представляет собой достаточно опасное действие, во время которого молодняку ставят с помощью техники горячего таврения знаки рода (*сёдка*), а также заглавные буквы фамилии владельца на груди либо крупе лошади. Применение тамги среди тюркоязычных народов было широко распространенным явлением, на территории Горного Алтая эта традиция сохраняется и сегодня.

Алтайцы разводили особую породу лошадей, которая была приспособлена к местным природно-климатическим условиям. Описание алтайской лошади встречается у В.В. Радлова. Исследователь отмечал, что алтайская порода лошадей к XIX в. лишь изредка встречалась в чистом виде, в большинстве своем она смешалась с породами лошадей живущих по соседству русских, киргизов и монголов [7. С. 145]. Помимо эстетической красоты В.В. Радлов отмечал быстроту алтайской лошади, ум и выносливость [7. С. 145]. Опытные наездники отмечали, что в случае опасности следует довериться лошади и отпустить поводья. Например, С.Г. Баданов, кавалерийский разведчик, участник Великой Отечественной войны, при форсировании Днепра в 1943 г., не умея плавать, добрался до другого берега целым и невредимым, ухватившись за гриву собственного коня [18].

Местная порода лошадей – теленгитская, в настоящее время она распространена преимущественно на территории Улаганского и Онгудайского районов. Это лошади чубарой масти, характеризующиеся далматинским окрасом и голубыми глазами [19. С. 2]. Стоит отметить, что благодаря генетическим исследованиям, инициированным археологом, доктором исторических наук А.А. Тишкиным, было выявлено генетическая близость лошадей алтайской породы с якутской, тувинской и бурятской [20. С. 74]. Алтайские лошади пользовались спросом, улучшением породы и скрещиванием лошадей различных пород занимался еще в XIX в. известный коннозаводчик, зайсан, яркий представитель алтайского предпринимательства, меценат Аргымай Кульдзин [21. С. 121]. Он вместе со своим старшим братом Манди занимался разведением племенного скота и лошадей и ежегодно продавал около 200 голов. В 1909 г. коннозаводчик приобрел племенного арабского жеребца в Англии, а для верхово-тяжеловозной метизации использовал как основу кузнецких кобыл, которых приобрел на конном заводе Павловского, в с. Салаире Кузнецкого уезда. После установления советской власти на Алтае и раскулачивания А. Кульдзина его лошади были распределены по колхозам Онгудайского района [22. С. 84]. В дальнейшем для улучшения экстерьера и конституции лошадей на Алтай были завезены племенные жеребцы – производители следующих пород: английская чистокровная, англо-арабская, тракененская, англо-нормандская, англо-кабардинская, донская, англо-донская, русский рысак и текино-кабардинская [22. С. 85]. С 1950-х гг.

на территории Алтая начали широко использовать жеребцов донской и буденовской породы, а уже в конце 1970-х гг. сотрудники Института коневодства А.А. Бордунов, А.И. Никонина и сотрудники конесовхоза «Кырлыкский» С.М. Клешев, А.А. Клешев, Т.Т. Таина, М.И. Манжин [23. С. 4] начали выводить новую породу лошадей путем скрещивания алтайских кобыл с жеребцами тяжелоупряжных пород: русской тяжеловозной, литовской тяжелоупряжной, советской тяжеловозной, жмудской. Процесс был успешно завершен к 1998 г. [22. С. 86]. Таким образом была выведена новоалтайская порода лошадей, характеризующаяся крупным массивным корпусом, широкой грудной клеткой, широкой спиной, ровной мускулистой поясницей, мускулистым, незначительно раздвоенным крупом, крепкими ногами и хорошо развитой мускулатурой. Официально новоалтайская порода была утверждена Государственной комиссией 29 марта 2000 г. [22. С. 87]. В настоящее время новоалтайская порода лошадей пользуется наибольшей популярностью среди всего полиэтничного местного населения ввиду хорошей приспособленности к суровым природно-климатическим условиям Горного Алтая и высоких мясных качеств.

В настоящее время в алтайском обществе по-прежнему, как и два столетия назад, основным занятием большей части населения региона является сельское хозяйство, в котором преобладает полукочевое скотоводство. Верховая езда является необходимым навыком для присмотра за скотом и лошадьми. Большую часть своей жизни алтайцы проводят на коне – выпас скота, охота, к тому же конь и в XXI в. являлся основным транспортным средством, в частности, в условиях высокогорья. Верховой езде обучают с самых малых лет, вне зависимости от гендерных различий. Алтайцы – искусные наездники, этот факт наилучшим образом описал В.В. Радлов: «Алтаец совсем не умеет ходить. Он ходит, медленно таща за собой ноги и покачиваясь... Но как только алтаец садится на лошадь, меняется вся его осанка. Здесь он чувствует себя на месте, его взгляд становится свободней, тело выпрямляется, кажется, что в его жилах течет обновленная кровь. Лошадь и всадник сливаются в одно целое...» [7. С. 153]. Коня начинают приучать к седлу с 2–3 лет, обычно этим занимаются молодые люди, имеющие небольшой вес. На недавно обученном коне первое время стоит ездить ежедневно, чтобы животное не отвыкло от седла. Езде вкруговую, т.е. впряженным в телегу, сани и пр., коня начинают обучать к пяти годам. На алтайском языке существует несколько обозначений аллюра (манера хода коня): *ман* – галоп, *желтириши* – рысь, *јорго* – иноходь, *сайга базыт* – переступь [13].

В настоящее время у большинства алтайских семей в хозяйстве преобладает поголовье лошадей, а не крупного и мелкого рогатого скота. И сегодня наличие нескольких табунов является мерилем богатства семьи, как и в XIX в. По отношению к лошади в алтайском языке существуют четкие обозначения гендерно-возрастных категорий: *кулун* – жеребенок в возрасте до года, *сарба* – полуторагодовалая особь и мужского, и женского пола.

Стоит отметить, что название *сарба* употребляется в Усть-Канском районе, а в Онгудайском – *жабага*. *Бай-тал* – кобыла в возрасте 2 лет, *тай* – жеребец в возрасте 2 лет, *айгыр* – жеребец, *бее* – кобыла. *Ам* – обученный под седло мерин.

Алтайцы обязательно дают клички лошадям в соответствии с окраской животного, наличием отличительных черт во внешнем облике (пятна на лице, ногах, туловище) или характера. Исключение делалось в случае, если жеребенок появлялся на свет одновременно с мальчиком, это считалось счастливой приметой, и коня называли тем же именем, что и ребенка [24. С. 81]. В настоящее время алтайцы, занимающиеся конным спортом, придерживаются не традиционных правил, а принятых в конноспортивном мире: дают название коню по первым буквам кличек родителей. Первой в кличке ставится заглавная буква матери, вторая буква – имя отца [26].

Современные алтайцы – самые настоящие фанаты коней, они готовы покупать лучших жеребцов-производителей и коней для спортивных состязаний за большие суммы денег. Так, конезаводчик и тренер М.И. Кабин приобрел английского скакуна за 400 тыс. руб., в 2022 г. предприниматель Н.И. Маташев из Усть-Канского района приобрел коня за 1,5 млн руб. и привез его из Крыма. Именно конь является самым дорогим подарком во время семейных праздников – свадьбы, а также *койу-кёч* – семейного торжества, посвященного празднованию первого года ребенка. Обычно такой подарок преподносит для племянника дядя по материнской линии, что служит отголоском обычая авункулата.

Рис. 2. Теленгитская борьба. Фото А. Тырышкина.
Источник: Новости Горного Алтая.
URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/91771>

Для мужчин в алтайском обществе, как и два столетия назад, основным развлечением являются конные состязания. Одной из самых популярных национальных игр в тюркском мире является игра *Кёк-бёру* (козлодранье), в данной игре участники демонстрируют навыки конников. Для игры коня начинают тренировать с девяти лет, считается что в это время он становится наиболее резвым [25]. Каждый игрок соблюдает запреты, связанные с конем: коня не используют для домашних работ, на него запрещено сажать детей и женщин и передавать его кому-либо. Конь должен

обладать следующими качествами – манёвренность, послушность, непугливость, резвость [26. С. 204]. Не менее известной национальной игрой с участием лошадей местной теленгитской породы является теленгитская борьба (см. рис. 2), на поясах, верхом на жеребцах без седла и стремян [19. С. 2]. Сведения об этой игре содержатся в героических сказаниях, где она устраивалась между богатырями на чубарых лошадях. В 2014 г. теленгитская борьба по инициативе заместителя главы администрации Улаганского района В.И. Ынтаева и коневода А.В. Юкина впервые была включена в программу районного праздника Эл-Ойын, а с 2018 г. стала неотъемлемым компонентом и венцом республиканского национального Эл-Ойына [27. С. 5]. Победа на нем особенно престижна. Автору удалось побеседовать с одним из самых известных тренеров лошадей – Михаилом Ивановичем Кабиным. Обученные им кони – Барабан, Эдисон, Кочубей – не раз становились победителями и призерами районных и республиканских соревнований. У Кочубея была наиболее яркая спортивная карьера: на протяжении восьми лет он выступал на соревнованиях, в том числе на *Эл-Ойыне*, и выигрывал следующие дистанции: 1 600 м, 3 600 м и даже в самом престижном забеге *Аргыманы маны* на 12 км. Кочубей заслуженно получил звание «Конь века» от Федеральной конноспортивной ассоциации Республики Алтай [28].

Профессионально М.И. Кабин стал заниматься подготовкой лошадей к скачкам с 1984 г. Любовь к лошадям ему привил дед Батай Иванович Буйтуев, 1904 г.р., участник Великой Отечественной войны, который всю свою жизнь проработал табунщиком в колхозе с. Кайсын Усть-Канского района [28]. М.И. Кабин выработал собственный подход к тренировке коней для спортивных соревнований: специализированное сбалансированное питание, при котором запрещен грубый корм, ограничено количество зеленой травы, овес подается с добавлением меда, поэтому в рационе питания присутствует морковь, яблоко и сахар. Ответственно тренер относится и к здоровью коней: в начале и конце тренировки происходит замер давления и пульса, при наличии подозрительных признаков заболевания измеряется и температура, также лошадям регулярно вводят инъекции с витаминами. Сами тренировки проходят не только в поле, но и на пересеченной местности, с чередованием затяжного галопа и быстрого шага [28]. После завершения спортивной карьеры тренер выпускает своих подопечных в табуны, и те становятся жеребцами-производителями. М.И. Кабин – не только известный в конноспортивном мире тренер лошадей, но и известный во всей Республике Алтай коннозаводчик.

Таким образом, культ коня – важнейший в этнической культуре. Именно конь выступает главным жертвенным животным в трехчастной структуре мира, поскольку создан божеством Верхнего мира. Конь наряду с богатырем воспевался в героическом эпосе красочными эпитетами и метафорами, наделен разумом и сверхъестественными способностями. Неоднократно подчеркивается его небесное происхождение, образы неба и комических объектов отождествляются с живым существом, т.е. конем.

В героическом эпосе образ коня воссоздается не только как боевого товарища, но и советчика и даже спасителя, конь выступает практически на равноправных правах с богатырем: сражается, принимает различные облики, обладая сверхъестественными свойствами, а по окончании земного пути они оба становятся звездами. В целом богатырский конь связан с двумя сферами бытия – природной и человеческой, он сочетает в себе обе, причем в обеих занимает главенствующее положение, корректируя как природные явления, так и разум, и поступки человека. Можно сказать, что через образ коня мифопоэтическое сознание алтайцев выражает природу и самого человека. Художественный образ коня в малых фольклорных жанрах включает в себя те же смыслы, что воплощены в героическом эпосе – идею небесного происхождения, связи с природой и одновременно с человеком, но благодаря большей динамике жанров добавляет к ним и новый, заданный активно развивающейся техногенной сферой. Как видим, фольклор выражает высокий семиотический статус коня в традиционной культуре.

Объективной базой для него служит коневодство как важнейшая отрасль традиционного хозяйства. Конь – важнейший компонент традиционного образа жизни народа и по сей день, являясь основным транспортным средством в условиях высокогорья, источником сырья и продуктов питания. Именно доминирование коня в подсистеме производства определило его роль в обрядовой сфере. В настоящее время у алтайцев сохраняются обычаи, совершаемые для сохранения поголовья скота и связанные с почитанием духов природы, в которых задействован конь. Бытует развитая терминология, связанная с конем, она выражена в обозначении гендерно-возрастных категорий и аллюров лошади. Неразрывная связь человека и коня по сей день проявляется в одинаковых именах, которые даются как мальчику, так и жеребенку. К тому же количество табунов является показателем социального достатка семьи. Все вышеперечисленное свидетельствует о сохранении культа коня в современной этнической культуре алтайцев.

Список источников

1. Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами. Л.: Наука, 1977. С. 164–178.
2. Муйтуева В.А. Традиционная пища алтай-кижи (обряды и представления). Томск: Издательство Томского университета, 2007. 154 с.
3. Калкин А. Алтайские героические сказания. М.: Современник, 1983. 288 с.
4. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 147 с.
5. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. 703 с.
6. Игнатъева О.П. Конское снаряжение южных алтайцев: традиции и новации // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф. Вып. 7. 2008. С. 63–65.
7. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
8. Потапов Л.П. Культура алтайцев – наследница древней цивилизации кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2000. С. 22–30.
9. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. М.: Наука, 1951. 321 с.
10. Чанчибаева Л.В. О современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 90–103.
11. Мендешева В.М. Конь в традиционной культуре алтайцев // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. II. С. 250–260.
12. Полевые материалы автора (ПМА). Онгудайский р-н, с. Онгудай. Респондент А.В. Кушаев. 2024.
13. ПМА. Усть-Канский р-н, с. Белый Ануй. Респондент Ю.В. Чарышов. 2009.
14. Пропп В. Морфология сказки. М.: Иллиминатор, 2022. 224 с.
15. Укачина К.Е. Алтайские загадки. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.
16. Г.И. Гуркин и Горный Алтай – гений и место. Горно-Алтайск: Изд-во Алтын-Туу, 2019. 192 с.
17. Крылатые слова: алтайские пословицы и поговорки. Горно-Алтайск: Ак Ченек, 2007. 152 с.
18. ПМА. Усть-Канский р-н, с. Усть-Мута. Респондент А.С. Баданов. 2010.
19. Кузнецова Ж.В. Спортивная игра теленгит-куреш как отражение этнической ментальности теленгитов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (130). С. 1–4.
20. Тишкин А.А., Куслий М.А., Графадовский А.С. Генетические исследования древних и современных лошадей Алтая и сопредельных территорий // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. 3. С. 75–78.
21. Звезда Алтая. Горно-Алтайск. 2016. 1 июля.
22. Лобанова Т.В., Трушников В.А. Алтайская лошадь и этапы ее преобразования // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2005. № 1 (17). С. 83–87.
23. Кан-Чарас. Усть-Кан. 2022. 3 марта.
24. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во: Горн.-Алт. отд-е, 1981. 184 с.
25. ПМА. Горно-Алтайск. Респондент А.М. Баданов. 2022.
26. Ябыштаев Т.С. Игра Кёк-бёру как социокультурный знак самоидентификации алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. (15). С. 201–209.
27. Звезда Алтая. Горно-Алтайск. 2014. 3 июля.
28. ПМА. Усть-Канский р-н, с. Усть-Кан. Респондент М.И. Кабин. 2015.

References

1. Potapov, L.P. (1977) Kon' v verovaniyakh i epose narodov Sayano-Altaya [Horse in the beliefs and epics of the peoples of Sayano-Altai]. In: *Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predaniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. Connections of Folklore with Ancient Legends and Rituals]. Leningrad: Nauka. pp. 164–178.
2. Muiyueva, V.A. (2007) *Traditsionnaya pishcha altay-kizhi (obryady i predstavleniya)* [Traditional Food of Altai-Kizhi (Rites and Performances)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Kalkin, A. (1983) *Altayskie geroicheskie skazaniya* [Altai Heroic Tales]. Moscow: Sovremennik.
4. Anokhin, A.V. (1994) *Materialy po shamanstvu u altaytsev* [Materials on Shamanism among the Altai People]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek.

5. Ekeev, N.V. (ed.) (2019) *Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev* [Rituals in the Traditional Culture of the Altai People]. Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S.S. Surazakova.
6. Ignat'eva, O.P. (2008) [Horse equipment of the southern Altaians: traditions and innovations]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Proceedings of the International Conference. Vol. 7. Barnaul. 27–30 October 2008. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 63–65. (In Russian).
7. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri: stranitsy dnevnika* [From Siberia: Pages of a diary]. Moscow: Nauka.
8. Potapov, L.P. (2000) Kul'tura altaytsev – naslednitsa drevney tsivilizatsii kochevnikov Tsentral'noy Azii [Altai culture – the heir to the ancient civilization of Central Asian nomads]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 22–30.
9. Potapov, L.P. (1951) *Altayskiy shamanizm* [Altai Shamanism]. Moscow: Nauka.
10. Chanchibaeva, L.V. (1978) O sovremennykh religioznykh perezhitkakh u altaytsev [On modern religious survivals among the Altaians]. In: *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 90–103.
11. Mendesheva, V.M. (2008) Kon' v traditsionnoy kul'ture altaytsev [Horse in the traditional culture of the Altaians]. In: *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect]. Vol. 2. Barnaul: Azbuka. pp. 250–260.
12. Field data of the author. (2024) *Ongudayskiy rayon, selo Onguday. Respondent A.V. Kukhaev* [Ongudai district, village of Ongudai. Respondent A.V. Kukhaev].
13. Field data of the author. (2009) *Ust'-Kanskiy rayon, selo Belyy Anuy. Respondent Yu.V. Charyshov* [Ust-Kansky district, village of Bely Anuy. Respondent Yu.V. Charyshov].
14. Propp, V. (2022) *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Moscow: Illyuminator.
15. Ukachina, K.E. (1981) *Altayskie zagadki* [Altai Riddles]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdelenie Altayskogo knizhnogo izdatel'stva.
16. Shastina, T.P. & Chinina, E.P. (2019) *G.I. Gurkin i Gornyy Altay – geniy i mesto* [Grigory Gurkin and Gorny Altai – Genius and Place]. Gorno-Altaysk: Izdatel'stvo Altyn-Tuu.
17. Petesheva, K. (ed.) *Krylatye slova: altayskie poslovitsy i pogovorki* [Winged Words: Altai proverbs and sayings]. Gorno-Altaysk: Ak Chenek.
18. Field data of the author. (2010) *Ust'-Kanskiy rayon, selo Ust'-Muta. Respondent A.S. Badanov* [Ust-Kansky district, Ust-Muta village. Respondent A.S. Badanov].
19. Kuznetsova, Zh.V. (2023) Sportivnaya igra telengit-kuresh kak otrazhenie etnicheskoy mental'nosti telengitov [Sports game Telengit-Kuresh as a reflection of the ethnic mentality of the Telengits]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 4 (130). pp. 1–4.
20. Tishkin, A.A., Kusliy, M.A. & Grafadovskiy, A.S. (2023) Geneticheskie issledovaniya drevnikh i sovremennykh loshadey Altaya i sopredel'nykh territoriy [Genetic studies of ancient and modern horses of Altai and adjacent territories]. In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern Solutions to Urgent Problems of Eurasian Archeology]. Barnaul: Altai State University. Vol. 3. pp. 75–78.
21. *Zvezda Altaya*. (2016) 1 July.
22. Lobanova, T.V. & Trushnikov, V.A. (2005) Altayskaya loshad' i etapy ee preobrazovaniya [Altai horse and stages of its transformation]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1 (17). pp. 83–87.
23. *Kan-Charas*. (2022) 3 March.
24. Shatinova, N.I. (1981) Sem'ya u altaytsev [Family among the Altai People]. Gorno-Altaysk: Altayskoye knizhnoe izdatel'stvo: Gorno-Altayskoye otdelenie.
25. Field data of the author. (2022) *Gorno-Altaysk. Respondent A.M. Badanov* [Gorno-Altaysk. Respondent A.M. Badanov].
26. Yabyshbaev, T.S. (2011) Igra K  k-b  ru kak sotsiokul'turnyy znak samoidentifikatsii altaytsev [The Kok-Boru game as a sociocultural sign of self-identification of the Altaians]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2 (15). pp. 201–209.
27. *Zvezda Altaya*. (2014) 3 July.
28. Field data of the author. (2015) *Ust'-Kanskiy rayon, selo Ust'-Kan. Respondent M.I. Kabin* [Ust-Kansky District, Ust-Kan village. Respondent M.I. Kabin].

Информация об авторе:

Чарышова М.Ю. – аспирант факультета политических и исторических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: charyshovamaria@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.Yu. Charyshova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: charyshovamaria@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 30.08.2024;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 28.02.2025.